

Цюэ Цю знал, что слова, сказанные им сегодня, Додд, скорее всего, не поймёт. Его отношение к нему было определено негласными правилами этого мира. Всего несколько дней общения и несколько фраз не могли перевесить многолетние внушения правил мира, и тем более не могли легко изменить его взгляды.

Но Цюэ Цю просто хотел сказать ему, что между ними не было разницы, он не был настолько низок и не должен вести себя так.

На самом деле Додд действительно не понял смысл его слов. Он просто очень полюбил картину, которую описал Цюэ Цю, и полюбил то растение, о котором ему рассказали.

Называется... роза, верно?

Одно только произношение этого слова уже было прекрасно.

— Как жаль, — с сожалением произнес Додд, — в Империи нет роз, во всей вселенной нет роз.

— Нет, — сказал ему Цюэ Цю, — в этой вселенной есть одна роза.

Это была единственная в мире роза.

И эта роза сейчас стояла прямо перед Доддом.

Он даже не знал, как ему повезло.

Но Додд всё равно был очень благодарен Цюэ Цю. Его чёрные блестящие глаза переполнялись искренностью.

— Спасибо тебе. Я не видел розы, но теперь я знаю об этом растении.

Он также передаст эти слова другим людям, чтобы они тоже узнали о существовании розы.

Додд не видел цветения своими глазами, но это было не важно. Уже в рассказе Цюэ Цю он смог увидеть золотое море роз, такое ослепительное и сияющее.

Цюэ Цю кивнул и тихо произнес:

— Мм.

Додд был членом патруля. Днём ему ещё нужно было дежурить, и, сказав несколько фраз, он

так же поспешно ушёл, как и пришёл.

С огромной скоростью он открыл и закрыл дверь. Весь процесс занял менее трёх секунд — он боялся, что сильная радиация за дверью каменного дома могла навредить нежному омеге.

Но сам Додд безропотно бросился в волны жары, полностью оказавшись под палящим солнцем. Напряжённая работа и воздействие ветра и солнца сделали его кожу загорелой, цвета бронзы.

Цюэ Цю долго молча смотрел на закрывающуюся дверь, стоя на месте. Его взгляд был глубоким. Неизвестно, о чём он думал в этот момент.

Маомао остро осознал необычность настроения мамы. Он осторожно потянул молодого человека за край одежды и тихо позвал.

— А? — Цюэ Цю очнулся, осмотрелся и лишь через мгновение, словно что-то поняв, опустил голову и нашёл Маомао, похожего на росток.

Он спросил мимоходом:

— Что случилось?

Маомао поднял голову, открыл свои круглые серебристо-серые глаза и прямо ворвался во взгляд Цюэ Цю.

Странно, но Цюэ Цю увидел в глазах Маомао зрелость, не соответствующую его возрасту. Как будто перед ним был взрослый человек с богатым опытом.

Малыш глубоко вдохнул и невероятно серьёзно сказал:

— У меня есть очень важное дело, о котором я должен тебе сказать.

Цюэ Цю на мгновение застыл. Он не отмахнулся от слов ребёнка, а терпеливо ждал продолжения.

Спустя некоторое время Маомао собрался с духом, набрался смелости и сказал:

— Мама, я буду защищать тебя.

Цюэ Цю долго ждал и услышал только это. Он невольно рассмеялся:

— Это и есть то важное дело, о котором ты говорил?

Маомао серьезно кивнул:

— Защищать маму — самое важное дело.

Цюэ Цю немного опешил. Он думал, что это просто детская шутка, но серьёзное выражение лица Маомао и его серьёзный тон показывали, что эти слова шли от сердца, а не были просто невинными детскими словами для утешения.

Спустя мгновение Цюэ Цю показал очень слабую, очень лёгкую улыбку, от которой Маомао закружилась голова:

— Мм, я понял, мой маленький рыцарь.

Малыш, получивший похвалу, удивлённо округлил глаза. Опомнившись, он почти сразу же не смог сдержать улыбки, глупо засмеялся и гордо поднял маленькую грудь. Два усика на голове тоже гордо торчали. В этот момент его вид напоминал генерала, победившего в битве и полного духа.

Цюэ Цю погладил голову мальчика, и усики тоже прилегли к макушке.

Маомао всегда заботился о своих двух усиках и обычно никому не позволял их трогать, но если это был Цюэ Цю, он не только не огрызался и не убегал, а наоборот, сам подставлялся под руку, как прилипчивый щенок, просящий ласки.

Маомао прижался к груди Цюэ Цю. Его нос уловил успокаивающий лёгкий тёплый аромат, и он с наслаждением прищурился. Даже без передачи духовной силы, просто находясь рядом с этим человеком, он мог ощутить предельное расслабление. Такого опыта в его памяти никогда не было.

Маомао не был ничего не понимающим дурачком. Наоборот, его восприятие внешнего мира было очень острым. Например, когда только что Цюэ Цю описывал Додду розы, он тоже погрузился в эту сцену, но одновременно сразу осознал, что у мамы были неразгаданные и неизвестные ему секреты. И это были очень опасные секреты, которые ни в коем случае нельзя было легко раскрывать.

Маомао не собирался исследовать, какие именно секреты скрывал Цюэ Цю. В тот момент он думал лишь о том, как помочь ему спрятать их.

Цюэ Цю совершенно не знал, о чём думал прижавшийся к нему ребёнок за эти короткие несколько минут. Он нежно похлопывал Маомао, убаюкивая его.

Вспомнив слова малыша, он почувствовал, как в сердце хлынула тёплая волна, и обрадовался, что в этом незнакомом мире у него была чистая и искренняя любовь.

* * *

Цюэ Цю временно поселился в районе Доцао, и местные жители, как и его первое впечатление, оказались очень гостеприимными. Они относились к нему и Маомао очень дружелюбно, не смотрели свысока и не отталкивали их как пришельцев, отнимающих жизненное пространство. Наоборот, они всегда приносили ему из своих домов запасённые каменные фрукты. Даже если не было каменных фруктов, они отдавали всё, лишь бы не обидеть такого драгоценного маленького омегу.

Казалось бы, это была Тёмная планета, которой все стремились избежать. Её жители должны были быть злобными и жестокими, но после реального общения Цюэ Цю почувствовал, что, возможно, «Алибиз», считавший себя цивилизованным и высокоразвитым, больше напоминал настоящую Тёмную планету.

Прожив несколько дней, Цюэ Цю обнаружил, что хотя днём все были вынуждены оставаться в каменных домах, чтобы избежать галактической радиации, как только наступала ночь, они все выходили наружу и под руководством старосты Ян Шу шли собирать утиль, работая до глубокой ночи.

После возвращения они не спешили отдыхать, а разжигали костёр на площади. Мужчины, женщины, старики и дети, взявшись за руки, танцевали свои собственные танцы. Хореография выглядела не слишком изящной, но на каждом лице сияла удовлетворённая улыбка.

Вся ночь в районе Доцао была ярко освещена. Каждый, казалось, хотел наверстать потерянное днём время. Они не просто пытались найти радость в горе, а искренне, от всего сердца чувствовали счастье. Казалось, какой бы тяжёлой ни была жизнь, у них оставалась надежда, и они с оптимизмом упорно укоренялись в этой пустыне.

Цюэ Цю заразился таким счастьем, и во время костровых вечеров тоже выходил с Маомао. Но он не любил близкий контакт с людьми, поэтому каждый раз садился в месте, почти не освещённом костром. Однако, как бы далеко он ни сидел, всегда находился кто-то, кто замечал скрывающегося в тени, чрезмерно хрупкого омегу, и подходил пригласить его.

Маомао же очень хотел поиграть. Каждый раз при выходе из дома перистые усики на его голове почти вращались как пропеллер. Но если Цюэ Цю не шёл в людные места, он тоже не шёл, как маленький хвостик, плотно следуя за молодым человеком.

Он часто лежал на коленях Цюэ Цю, поднимая личико и впитывая в память изящную внешность омеги. В его сердце поднималось тепло, словно от костра, которое переполняло его волнами счастья.

Однако такие спокойные дни не продлились долго.

На десятый день пребывания Цюэ Цю в районе Доцао жители должны были отправить Ань Цзеле в центр пустыни.

Он узнал эту новость, когда Ань Цзеле уже вывели из пункта с помощью патруля. Решение было единогласно одобрено всем районом — сегодня вечером они избавятся от него.

Цюэ Цю на мгновение не мог сказать, был ли он разочарован или всё же больше испытывал сожаление: такой молодой, а от него вот так просто отказались.

Но он также понимал, что у него не было оснований обвинять жителей района Доцао в этом решении. Староста Ян Шу и доктор Уилл тогда очень ясно объяснили: как только генетическая болезнь проявляется, уже нет возможности излечения. Оставалось лишь смотреть, как некогда близкий человек понемногу превращается в кровожадного зверя. Если они не избавятся от Ань Цзеле до того, как главный город предпримет действия, то Ань Цзеле будет ждать лишь более трагичный конец.

В этом деле ни Ань Цзеле, ни район Доцао не были виноваты. Они все оказались жертвами.

Когда Цюэ Цю добрался до перекрёстка, там уже собралась толпа. Люди были так скучены, что и иголку не воткнёшь. Он предположил, что все пришли попрощаться с Ань Цзеле в последний раз.

Цюэ Цю остановился, не желая мешать этому прощанию.

Он стоял довольно далеко, но всё равно мог разглядеть выражение каждого лица: на всех было написано горе и нежелание. Женщины, вытирая слёзы, клали на его грудь цветы, сшитые из ткани. Те, кого Ань Цзеле ранил в приступе безумия, также не стали винить его, а пришли попрощаться с ним прямо с больничной койки.

Несколько альф произвели на Цюэ Цю самое глубокое впечатление.

Они тоже скорбели об Ань Цзеле, но на лицах и во взглядах было больше страха и растерянности.

Цюэ Цю издали наблюдал, словно за немой пьесой, к которой он не принадлежал.

Он, вероятно, мог сопереживать этим альфам.

Эти низшие альфы Тёмной планеты одновременно боялись, что в конце концов пойдут той же судьбой, что и Ань Цзеле, и чувствовали бесконечную растерянность — что же им делать?

В тущобах Тёмной планеты не было омег-целителей, как и обычных омег тоже. Цюэ Цю стал неожиданной случайностью, первым и единственным исключением.

Альфы с рождения несли в себе генетическую болезнь. Они обладали огромной силой, но одновременно были почти приговорены к смерти.

Все альфы являлись резервными силами Империи, прирождёнными военными. Как только фронт нуждался, они в любой момент должны были без колебаний идти на поле боя, своей жизнью защищая близких и родные места.

Но даже принося такие огромные жертвы, их здоровье и безопасность всё равно никак не были гарантированы. Особенно такие низшие альфы с Тёмной планеты: у них не было облегчения от омег-целителей, и они не могли устранить негативное влияние поля боя. Им оставалось лишь смотреть, как они понемногу отправляются в бездну, из которой нельзя выбраться.

Они не знали, как им жить, но знали, как умереть.

Самое жестокое было в том, что это касалось не только низших альф с Тёмной планеты, но и подавляющего большинства альф Империи. Даже легендарный бог войны, генерал Дуань Чэньсэнь, из-за слишком высокого уровня и мутировавшей крови не мог найти подходящего омегу-целителя и был вынужден изо дня в день терпеть двойные мучения — физические и ментальные.

Эта Империя нуждалась в альфах, но при этом бросала их.

Все они были людьми, лишёнными спасения.

<http://bllate.org/book/13573/1204599>